

Мое первое житіе и инспекторство въ Тульской семинаріи.

1830 съ 12-го сентября по 15-е мая 1832 года.

Начну повыше: по окончаніи курса въ разрядномъ списокѣ я помѣщенъ 5-мъ и назначенъ къ магистерству. Такъ какъ комиссіи духовныхъ училищъ, вѣроятно, предоставила митрополиту распорядиться и размѣщеніемъ насъ по должностямъ, то конференціею нашей академіи я и назначенъ былъ профессоромъ богословія во Владимірскую семинарію, а въ Тулу инспекторомъ свѣтскій Иванъ Михайловичъ Смирновъ, мой товарищъ.

Когда представили это митрополиту, то онъ сказалъ: „Лучше пусть монахъ (т. е. я) будетъ инспекторомъ, тѣмъ паче, что они съ Смирновымъ по списку стоятъ рядомъ“. Пререкать не смѣли; и я опредѣленъ инспекторомъ и вторымъ профессоромъ богословія и еврейскаго языка въ Тулу.

Въ конференціи всѣ говорили согласно—послать меня инспекторомъ въ Тулу. Одинъ отецъ инспекторъ не согласенъ. Онъ

сказалъ: „Этотъ монахъ сомнителенъ, на него надо посмотрѣть, я опасаюсь его поведенія, пусть сперва побудеть просто профессоромъ“. Такъ и согласились.

Прощаю инспектору. Онъ другихъ правилъ, а притомъ и я подалъ ему сильные поводы въ самомъ дѣлѣ сомнѣваться обо мнѣ.

10-го сентября меня проводилъ изъ Москвы мой добрый дядюшка дьяконъ Николай Борисовичъ (нынѣ уже покойный). Я поѣхалъ слишкомъ грустный.

Тутъ начала въ Москвѣ носиться молва о холерѣ, которая въ это время, послѣ Астрахани, опустошала уже Саратовъ. Я содрогнулся. Москва уныла, и я чуть живой поѣхалъ въ первый разъ на должность и на чужбину!

Я посмотрѣлъ на почтовой московской станціи въ книгу, и она вся исписана ѣдущими въ Саратовъ.

По дурному русскому обычаю я изъ Москвы поѣхалъ съ туманомъ въ головѣ — нетрезвый. Поѣхалъ вечеромъ. Приѣхалъ ночью въ Подольскъ. Страшная темнота. Я забоялся ѣхать ночью. Остановился ночевать у протоіерея, который доводится немножко сродни моему старшему зятю.

Онъ меня принялъ ласково, однако измучилъ меня неспособнымъ тщеславіемъ, (съ того времени я уже не былъ у него ни разу, хотя разъ пять въ этомъ городѣ ночевалъ). Я проспалъ до девяти часовъ, меня напоили чаемъ, и я поѣхалъ далѣе.

11-го сентября я доѣхалъ только до Серпухова и опять ночевалъ.

Ночевалъ я въ отдѣльной комнатѣ, въ которой жила молодая вдова съ дочкою лѣтъ 11-ти. Добрая и богобоязненная женщина! Мы говорили о грядущемъ гнѣвѣ Божіемъ — холерѣ. Она говорила: „Христіанамъ прибѣжище — Матерь Божія: Ей надо молиться“.

12 сентября утромъ поѣхалъ далѣе. Подѣхали къ Окѣ. День былъ тихій и ясный, взошло солнце. Но надъ Окою и по берегу шелъ холстомъ столь густой туманъ, что помрачилъ солнце.

Къ несчастію, на берегу мы пождали съ полчаса: разведенъ былъ мостъ, потому что проводили барки. Этотъ туманъ проникъ меня насквозь. Я ужасно озлѣбъ. За Окою версты черезъ двѣ гора. Я слѣзъ и побѣжалъ бѣгомъ на гору очень огромную. Взоѣжалъ и не нагрѣлся. Тутъ село и кабакъ. Я выпилъ стаканъ ерофеичу: согрѣлся.

Пріѣхалъ на станцію Соломенные Заводы. Смотритель пьянъ безчувственно. Я стою и дожидаясь. Спасибо, пріѣхалъ графъ Бобринскій, сжались надо мною, выхлопоталъ и мнѣ лошадей.

Пріѣхалъ на послѣднюю станцію, всего 12 верстъ отъ Тулы. Сказали: нѣтъ лошадей! Скучно ужасно. Уже ночь, а ночевать столь недалеко отъ Тулы не хочется. Далъ рубль серебромъ, и меня повезли.

Пріѣхалъ въ Тулу и въ семинарію около полуночи 12 числа. Остановился у эконома семинаріи, несчастнаго іеромонаха Поликарпа.

Я былъ безъ денегъ. За послѣднюю станцію доплатилъ что то уже отецъ эконома.

На другой день я тотчасъ, вставши, пошелъ къ отцу ректору, архимандриту Стефану. Онъ меня принялъ ласково. Потомъ въ правленіе. Я принялъ присягу. Послѣ—къ преосвященному*). Онъ былъ на дачѣ. Пріѣхали; преосвященный ласковъ, много говорилъ и, кажется, оставилъ обѣдать.

Тутъ всенощное на день Воздвиженія. Завтра литургія въ семинарской церкви. Отецъ ректоръ не допустилъ меня служить, хотя мнѣ и хотѣлось: „Отдохни съ дороги“, сказалъ.

15-го день великомученика Никиты. Былъ именинникъ градской глава Никита Андреевичъ Добрѣнинъ (иль Дружининъ). Тутъ было четыре генерала и вообще вся тульская знать. Это мнѣ впервые. Еще я не пивалъ шампанскаго; а тутъ оно лилось рѣкою. Было до 15-ти разныхъ тостовъ.

По простотѣ, выпивши двѣ первыя рюмки начисто, послѣ какъ увидѣлъ, что наливаютъ еще, и что будутъ наливать еще, я уже подносилъ только ко рту и то едва могъ. Отъ обѣда тотчасъ на актъ въ гимназію. Тутъ читана глупая рѣчь что-то въ похвалу Россіи.

Съ 16-го началось ученіе и мое дѣло и страданія. Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ, въ одну ночь я проснулся. Что-то дурно: сердце бьется, дыханіе тяжело. Я въ испугѣ всталъ съ постели. Сталъ на молитву, помолился, легъ и уснулъ. Но съ сего времени сей испугъ и сіе трепетаніе сердца остались со мною надолго, я началъ страдать. Я таялъ, какъ свѣча. Аппетитъ пропалъ, голова дурна, силы истощаются, подъ боками ревутъ, какъ лягушки — ипохондрія.

*) Дамаскинъ Россовъ † 1855.

Пошли заборы: день, два и три ничего нанизь. Я сдѣлался зеленый. Глаза помутнѣли и сдѣлались какими-то блуждающими.

Мнѣ стало тѣгостно всякое напряженное положеніе. Въ классѣ томно, при богослуженіи томно—испуги, дрожаніе и почти исчезновеніе голоса, опалить какъ огнемъ; я сдѣлаюсь бѣлый, какъ полотно, и холодный потъ обольетъ меня. Стою и того и жду, что упаду.

Вздумалъ было разсѣять себя занятіями, не могу, тотчасъ утомляюсь.

Хожу, бывало, по компатѣ безъ мысли, безъ радости, какъ осужденный преступникъ.

Мнѣ казалось ссылкой мое мѣсто: всѣ чужіе, не съ кѣмъ раздѣлить время, чтобъ хоть на минутку забыть свои страданія, я былъ всѣмъ чужой.

Притомъ, по моему сану и должности, ко мнѣ не всякій имѣлъ смѣлость приблизиться, хоть я того искалъ.

Я ласкалъ семинаристовъ, но они во мнѣ видѣли начальника и не смѣли быть просты. Притомъ столь молодые люди что за утѣшители.

У меня впрочемъ былъ прекрасный служитель, изъ духовныхъ, лѣтъ 15-ти Александръ Синявинъ. Это былъ моя отрада; благоговѣнь, уменъ, кротокъ, любилъ меня. Я утѣшался.

Изъ наставниковъ ближе всѣхъ былъ Тимошей Трофимовичъ Хитровъ, простакъ и добрый человѣкъ. Я приглашалъ къ себѣ нашего церковнаго старосту, мѣщанина Козьму, и его помощника, молодого кузнеца, но это были плохіе утѣшители. Еще хаживали сапожникъ и часовщикъ, порядочные, но простые люди.

Къ усугубленію моей скорби гнѣвъ Божій—холера—пошла быстро внутрь Россіи. Въ концѣ сентября она обнаружилась въ Москвѣ. До 22 октября, именно до дня Казанскія Божія Матери, она шла кверху, и въ самые сильные удары она поражала, кажется, до 500 человѣкъ въ сутки, потомъ начала постепенно ослабѣвать.

Ужасно! Москву заперли. Поставили всюду карантинныя самыя крѣпкіе.

Я переписывался съ своимъ дядюшкою московскимъ, онъ въ слезахъ описывалъ свои ужасы и умолялъ милосердіе Божіе о помилованіи.

Государь въ октябрѣ, кажется, прїѣзжалъ въ Москву, чтобъ ее утѣшить и ободрить, прожилъ съ недѣлю (кажется), и самъ едва не сдѣлался жертвою заразы. Спасибо ему! Это истинно отеческій подвигъ.

Мы въ Тулѣ, какъ приговоренные заживо къ смерти, съ ужасомъ ожидали появленія сего грознаго бича Божія. Въ половинѣ октября прекращено ученіе наше, семинаристы распущены; мы остались безъ дѣла.

Городъ унылъ. Мрачность природы усугубляла душевную скорбь.

Преосвященный 9-го декабря сдѣлалъ крестный ходъ вокругъ города. Весь городъ былъ на улицѣ и шелъ за крестами по грязи со слезами. Зрѣлище умилительное!

Въ началѣ декабря, наконецъ, открылась холера и въ Тулѣ и начала разить нещадно, больше людей мужского возраста и больше мужчинъ. Я въ своей кельѣ ужаснулся и молилъ милосердіе Божіе о пощадѣ. Просилъ себѣ времени на покаяніе.

Ипохондрія моя поднялась на высшій градусъ, съ часу на часъ я ожидалъ себѣ пораженія.

Дивно надо мною грѣшникомъ милосердіе Божіе! Я спасся, даже не заболѣвалъ тѣми признаками, въ какихъ обнаруживалась холера: у меня продолжались запоры, хотя ужасно ревѣло въ животѣ.

Еще удивительнѣе, что въ нашей семинаріи ни одинъ семинаристъ, ниже служитель, ни изъ пасъ никто не пострадалъ ни сколько, хотя мы вовсе были безъ предосторожностей, и бродили и наши изъ семинаріи, и къ намъ приходили изъ города.

Однако одинъ за другимъ поражены были два профессора: словесности Терентій (кажется Зайцевъ) и философіи Иванъ Григорьевичъ Базаровъ, первый священникъ, второй протоіерей. Первый скончался въ три часа, послѣдній боролся нѣсколько сутокъ: оба внѣ семинаріи.

При семинаріи осталось довольно семинаристовъ. Я упросилъ отца ректора позволить мнѣ служить въ семинарской церкви. Служилъ недѣлю. Ученики исповѣдались (нѣкоторые и у меня), причастились и ободрились.

Я исповѣдался у древняго старца крестоваго іеромонаха Евгенія. Случилось, что въ этотъ децъ онъ былъ еще имянинникъ. Подаль мнѣ рюмку водки съ перцемъ. Я послушался, выпилъ и почувствовалъ себя очень хорошо.

Однако уныніе мое возросло до того, что я рѣшительно отказывался быть спасеннымъ. Не помогали никакія утѣшенія. Добрый мой Александръ служитель съ горестію на меня посматривалъ, но не смѣлъ ко мнѣ приблизиться.

Случалось, нападали на меня ужасы по ночамъ, я ожидалъ смерти, становился на молитву, и милосердый Господь меня спасалъ.

На Рождество Христово отецъ ректоръ уѣхалъ въ свой монастырь—въ Бѣлевъ. Я остался съ однимъ пьянымъ экономомъ.

Между тѣмъ холера шла кверху, ужасы усиливались. Я бродилъ, какъ тѣнь.

Пришло мнѣ въ голову: попроситься въ отпускъ на родину за болѣзнію. Пришелъ ко владыкѣ съ просьбою. Спасибо ему: сверхъ моего чаянія, отпустилъ. Чувствуя себя совершенно исчезающимъ, я рѣшился уѣхать домой, чтобы если умереть, то на рукахъ моихъ добрыхъ родителей, любившихъ меня столь нѣжно.

Наканунъ Рождества я получилъ увольненіе, а въ самый день Рождества, отслуживъ въ семинарской церкви лѣтургію, я уѣхалъ въ Москву.

Спѣшилъ ѣхать: боялся умереть на дорогѣ. Первую ночь ночевалъ въ Соломенныхъ Заводахъ за 50 верстъ отъ Тулы. Содержатель постоялаго двора отставной солдатъ, старецъ благочестивый, онъ меня утѣшилъ. Однако я былъ чуть живъ.

Другую ночь почевавъ въ Подольскѣ, тутъ мнѣ стало легче. Я нетерпѣливо ждалъ увидѣть родную Москву.

Приѣхалъ на третій день утромъ. Дядюшка радъ, я—вдвое. Никогда я не въѣзжалъ въ Москву съ такимъ восторгомъ, хотѣлъ бы кажется расцѣловать и дома. Я будто вырвался изъ плѣна: не вѣрилъ глазамъ своимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мое первое житіе и инспекторство въ Тульской семинаріи.

1830 съ 12-го сентября по 15-е мая 1832 года.

(Продолженіе *).

Увидя мои страданія, дядюшка посовѣтовалъ мнѣ сходить къ доктору. Я былъ у Терновскаго, что при пансіонѣ университетскомъ. Добрый человекъ! Онъ видѣлъ, что я боленъ душою, ничего мнѣ не посовѣтовалъ, кромѣ діеты мірской, т. е. употреблять мясо и пить мятую.

Почувствовавъ однако въ Москвѣ себя гораздо лучше, я поспѣшилъ къ родителямъ. Здѣсь я прожилъ больше мѣсяца; я жилъ, какъ дитя, просто, какъ бывало гостилъ, приходя на отпускъ изъ школы. Нѣсколько разъ служилъ и тѣмъ утѣшалъ родителей. Помню, въ день батюшкина ангела (31 января) и съ вечера служилъ всенощную въ комнатѣ, на другой день литургію. Батюшка всю обѣдню пѣлъ и плакалъ.

Для развлеченія ѣздилъ къ дядюшкѣ дякону въ село Пески, а оттуда къ его дочери въ село Середу къ священнику. Было очень пріятно. Вездѣ рады, и мнѣ было отраднo.

Тутъ меня забавила дочка серединскаго священника Ѳеодосія. Тогда ей было 13 лѣтъ. Она упростила меня прогуляться съ нею по селу и по рынку (это село похоже на городъ, тутъ бываетъ рынокъ). Я надѣлъ шапку и пошелъ. Ѳеня любовалась мною и себя считала барышнею за то, что удостоилась прогуливаться съ такимъ человекомъ.

Она, должно быть, совершенно огненная. Слышу, что вышла замужъ. Мужу надобно глядѣть въ оба для того, чтобъ его жена не пріискала другого любезнаго. Тутъ же, по дорогѣ, я заѣхалъ къ священнику въ селѣ Ящеринѣ Димитрію Васильевичу Колодкову. Онъ старше меня, курсомъ (по семинаріи). Его исторія замѣчательна.

Когда мы учились еще въ училищѣ, по старому образованію, онъ былъ въ фарѣ (т. е. въ низшемъ отдѣленіи) первымъ. Потому былъ цензоръ и имѣлъ должность сѣчь учениковъ, по приказанію

*) См. № 7—8 Тульск. Епарх. Вѣд. —

учителя. Помню, онъ сѣкъ, сколько есть мочи, безжалостно, даже утѣшаясь страданіями ближняго. И меня онъ однажды сѣкъ. Это нехорошо, показывало звѣрскую душу. Онъ меня обогналъ. Мы сошлись съ нимъ въ реторикѣ. Тутъ онъ былъ уже слишкомъ посредственный ученикъ, хотя сидѣлъ четыре года. Въ это время онъ былъ послушенъ и съ чувствомъ религіи. Однажды онъ пришелъ къ отцу ректору съ просьбою, чтобы онъ его исключилъ и принялъ въ свой монастырь. „Хочу итти въ монахи“, говорилъ онъ. Отецъ ректоръ похвалилъ его намѣреніе, но сказалъ: „Погоди, учись и доучивайся, успѣешь быть монахомъ—по окончаніи курса“. Колоцкій упрямился, однако отецъ ректоръ его уговорилъ. Это было еще въ реторикѣ. Затѣмъ онъ перешелъ въ философію, а потомъ и въ богословіе и вездѣ держалъ себя, яко будущій монахъ. Что жъ? послѣднюю треть въ богословіи, когда митрополитъ приказалъ спросить Виѳанскихъ богослововъ, не пожелаетъ ли кто занять одно праздное священническое мѣсто, Димитрій Васильевичъ Колоцкій, въ числѣ другихъ, подписался желающимъ. Отецъ ректоръ призвалъ его и сказалъ: „Какъ же? Вѣдь ты общался итти въ монахи?“ Колоцкій: „Я передумалъ и теперь вижу, что не могу быть монахомъ“. Тогда отецъ ректоръ: „Смотри самъ, я тебѣ не препятствую, но помни: не человѣкомъ солгалъ еси, но Богу. Какъ бы не постигъ тебя гнѣвъ Божій!“

Такъ и случилось. То мѣсто, на которое онъ подписался, ему не досталось. Онъ жилъ дома у отца; тутъ, по сосѣдству съ нимъ, священникъ вдовый, будучи осужденъ навсегда въ монастырь, сдавалъ мѣсто своей дочери. Это село Ящерино. Несчастная эта дѣвка, была уже за 30 лѣтъ. Собою безобразная, пьяная, какъ нельзя хуже, и распутная: даже имѣла уже дѣтей. Колоцкій сказалъ родителямъ: „Хочу вытти на это мѣсто“. Родители ужаснулись, говоря ему, что будущая его неvěста — дѣвка постыдная, потерянная. Колоцкій не внималъ. Подалъ просьбу и получилъ сіе мѣсто. Я заѣзжалъ къ нему и теперь и раньше, еще учась въ семинаріи, въ богословіи, съ Егоромъ Никифоровичемъ, изъ любопытства. Видѣлъ его жену — свирѣпая баба. Однако у нихъ были дѣти.

Димитрій Васильевичъ однако жилъ прекрасно. Былъ даже благочиннымъ. Я его видѣлъ бѣлаго, какъ полотно, онъ былъ чуть живъ, полагаю отъ тоски. Онъ давно уже скончался. Царство ему небесное! А исторія его поучительна.

Я еще ѣздилъ съ матушкою на Бородинскія поля, тоже для развлечения и изъ любопытства. На пути я заѣхалъ въ Лужецкій монастырь, что близъ Можайска. Было около вечера. Я спросилъ у послушника келью, гдѣ бы погрѣться и подождать вечерни. Онъ меня привелъ къ казначею. Казначей, высунувшись изъ двери и взглянувъ на меня, спросилъ послушника: „Кто это?“ Послушникъ: „Какой-то проѣзжающій монахъ“. Казначей: „Былъ ли онъ у архимандрита?“ Послушникъ: „Нѣтъ“. Казначей: „Что жъ ты привелъ его къ ногамъ, а онъ головы еще не видѣлъ“. Странное, невѣжественное и гордое смиреніе! Я сказалъ казначею: „Батюшка! я проѣзжаю, мнѣ никто не нуженъ, хочу послушать вечерню, позвольте посидѣть до нея въ теплѣ“. Казначей опять къ послушнику: „Веди его къ архимандриту“.

Принужденъ итти. Пришелъ: Архимандритъ: „Кто ты?“ — „Инспекторъ Тульской семинаріи іеромонахъ Никодимъ“. — „Что твоя честность къ моему убожеству?“ — Я сказалъ. Потащилъ въ гостинную. Тутъ вертится монашенка, обходится такъ смѣло, будто своя, разливаетъ чай. Архимандритъ говорилъ съ нею. Со мною ничего. Это Платонъ, который теперь въ Москвѣ въ Даниловѣ монастырѣ.

Отвратительно мнѣ было такое невѣжество, прикрывающееся маскою монашества. Вѣдь монахъ остался бы монахомъ, если бъ и не былъ невѣжа и грубіянь. А эти невѣжи думаютъ, будто то и монахъ, что невѣжа и грубіянь.

Однако и былъ у вечерни. Чивно и пѣніе хорошо. Монастырь снаружи бѣдный, почти въ развалинахъ. Мнѣ матушка сказала, что тутъ нѣкогда мой батюшка былъ на епитиміи, потому слушаю, что его мать подавала на него просьбу за непослушаніе, т. е. за то, что онъ не билъ по приказанію матери его жены.

Тутъ почиваетъ подъ спудомъ угодникъ Божій преподобный Оерапонтъ, кажется, основатель сей обители. Монастырь называется Лужецкимъ, кажется, потому, что стоитъ при огромныхъ лугахъ, идущихъ по правому берегу Москвы-рѣки, здѣсь очень малой.

Ночевали мы въ Можайскѣ, въ домѣ купца Рыжова, нѣкогда богатаго, извѣстнаго всему нашему родству, а тогда уже бѣднаго. Онъ намъ сказывалъ, что онъ ходилъ въ Кіевъ пѣшкомъ.

Полутру я былъ у заутрени въ соборѣ. Тутъ ученый священникъ Бардинъ, коего братъ кончилъ курсъ хорошо предо мною.

И этотъ маленько гордъ, но зато уменъ. Прикладывался къ чудотворному образу Николая Чудотворца, такъ называемаго „Можайскаго“. Образъ высѣченъ изъ камня; ликъ грозный.

Въ 1812-мъ году онъ былъ закладенъ въ стѣну и тѣмъ сохраненъ. Впрочемъ, удивляются и тутъ чуду. Въ соборъ французы били ядрами и много его разрушили, но иконы не повредили.

Соборъ готическій и снаружи великолѣпный, стоитъ на прекрутой горѣ и надъ самымъ ея обрывомъ — родъ крѣпости.

Приѣхали въ монастырь, что на Бородинскихъ поляхъ, въ обѣдню. Гостиницы нѣтъ, негдѣ остановиться, переодѣться, поставить лошадей. Тотчасъ однако выбѣжала женщина и указала намъ все. Я одѣлся и пошелъ въ церковь. Служилъ іеромонахъ предурно, голосъ какой-то хриповатый, фигура дурная. Я стоялъ въ алтарѣ.

По концѣ обѣдни, я въ церкви подошелъ къ игуменѣ, поклонился, тотчасъ она попросила къ себѣ.

Добрая мать весьма ласково приняла и меня и матушку. Мы у нея обѣдали и съ другими барынями.

Послѣ обѣда провели до вечера время въ разсказахъ и знакомствѣ, мать игуменья ласкала меня, какъ сына. Это меня весьма утѣшало.

Приближалась ночь. Мнѣ остаться ночевать было совѣстно даже и потому, что у меня была тройка лошадей. Мы простились и поѣхали.

Скажу, кто эта игуменья: родомъ она Нарышкина, ее знали Маргарита Михайловна. Въ рисофорѣ она наречена Меланією, а теперь въ монашествѣ Марією. Она была за двумя мужьями. Перваго не знаю, и она мнѣ не хотѣла о немъ сказать ничего. Слышалъ однако, что былъ какой-то несчастливецъ. Съ нимъ она жила съ годъ иль меньше и овдовѣла.

Послѣ вышла замужъ за Тучкова. Этого мужа она любила горячо и, кажется, любить доселѣ.

За годъ иль побольше до 1812-го года она вышла за него замужъ. Мужъ ея былъ въ арміи, гдѣ то въ—Германіи въ 1804-мъ году. Она была съ нимъ.

Вотъ съ нею какое случилось приключеніе: однажды, на квартирѣ, Маргарита Михайловна, имѣя уже отъ сего мужа дитя, ходила съ нимъ вечеромъ въ саду. Тогда былъ августъ. Дитя было весело. Мать имъ утѣшалась и проходила въ саду съ нимъ

за полночь. Тучковъ уже всталъ и, увидя жену гуляющею, пожалѣлъ о ней, попросилъ лечь. Она тотчасъ уснула. Во снѣ видитъ: входитъ благолѣпный старецъ, будить ее и говорить: „Твоя участь кончится подъ Бородинымъ“.

Маргарита Михайловна тотчасъ проснулась. Хотѣла встать и рассказать мужу видѣніе. Но сонъ ее склонилъ опять, она уснула.

Приходить къ ней опять тотъ же старецъ, на рукахъ у него младенецъ. Опять онъ разбудилъ ее и, подавая ей младенца, сказалъ: „Вотъ что тебѣ осталось“.

Опять она тотчасъ проснулась, одѣлась, побѣжала къ мужу и рассказала ему оба свои видѣнія. Мужъ усмѣхнулся, развлекъ ее увѣреніями, что во снѣ мечты, и что имъ вѣрить грѣхъ.

Тогда Тучковъ былъ уже генералъ. По обыкновенію, къ нему поутру собрались подчиненные офицеры. Онъ имъ рассказалъ легкимъ тономъ видѣніе жены и спросилъ: „Не знаетъ ли кто, что такое Бородино? гдѣ оно? и есть ли гдѣ?“

Офицеры начали раскладывать свои военныя карты, пересматрѣли всѣ европейскія государства: Бородина не нашли. (Тогда еще не было извѣстно сіе, нынѣ столь славное, село).

Пришелъ 1812 годъ. Открылась война. Явился Наполеонъ у границъ Россіи, перешагнулъ Нѣманъ, вторгся въ Россію, потѣснилъ русскихъ внутрь Россіи. Русскіе находили славу только въ счастливомъ отступленіи. Взятъ Смоленскъ. Россія ужаснулась нашествію непріятеля. Вознегодовали на главнокомандующаго. Былъ Барклай-де-Толли. Не захотѣли иностранца, просили русскаго. Явился Кутузовъ: назначено генеральное сраженіе на поляхъ *Бородинскихъ*!

Здѣсь содрогнулся генералъ Тучковъ. Онъ сказалъ женѣ: „Прости, мой другъ! я съ тобою расстаюсь, твое видѣніе должно здѣсь сбыться. Я притворно сохранилъ равнодушіе въ то время, какъ ты мнѣ рассказала за годъ прежде свое видѣніе въ Германіи. Оно тогда же легло въ моей душѣ. Я не хотѣлъ пугать тебя. Прости, мнѣ не жить болѣе“.

И точно. Его убили на лѣвомъ крылѣ, гдѣ онъ командовалъ своимъ полкомъ. Онъ убитъ пулею въ лобъ. Упалъ. Его схватили два офицера, чтобъ отнести. Генералъ успѣлъ указать имъ на рану, давая знать, что бесполезно его спасать. Въ это время ядро разбило его вдребезги, и остался только одинъ офицеръ, чтобъ возвѣстить злополучной женѣ о мученической кончинѣ ея мужа.

Въ эту минуту Маргарита Михайловна дала обѣтъ умереть на семь же мѣстѣ.

И точно: когда прогнанъ французъ, Россія утихла, Маргарита Михайловна испросила дозволеніе государя построить на мѣстѣ кончины ея мужа храмъ. Построила и осталась жить при немъ.

Впослѣдствіи стали къ ней стекаться благочестивыя женщины. Она вздумала устроить обитель: ей дано позволеніе, и уже нынѣ (т. е. 1842 года) это настоящій женскій монастырь, очень хорошо устроенный, въ которомъ до 150 сестеръ.

Мнѣ Маргарита Михайловна признавалась, что она сначала стала было раскаяваться въ обѣтѣ. Сынъ ея Николай подросталъ. Будто для ученія его, она подолгу жила въ Москвѣ. Но 15 лѣтъ сынъ ея заболѣлъ и скончался. „Тутъ я увидѣла, говорила она мнѣ, что Господь меня зоветъ къ моему обѣту. Я похоронила сына здѣсь, во храмѣ, и, будучи сиротою для міра, рѣшилась посвятить остальную мою жизнь слезамъ за мои грѣхи“.

Съ этого времени я сталъ знакомъ съ Маргаритою Михайловною. Изрѣдка пишу къ ней, и иногда она ко мнѣ. И она много сдѣлала добра и мнѣ и моему роду. Спасибо ей! *).

Опасаясь ночью заблудиться, мы ночевали съ матушкою у госпожи, которая въ тотъ день была у Маргариты Михайловны, отъѣхавши версты три или четыре. Барыня — дѣвица лѣтъ 50-ти. Мы нашли ее съ картами, безъ чепчика, съ остриженною полу-сѣдою головою: отвратительно! И домъ какая-то пустыня.

Передъ отъѣздомъ въ Москву и въ Тулу, я вздумалъ написать съ себя портретъ для родителей, по той тайной мысли, что я не надѣялся, что буду живъ! У насъ въ селѣ былъ изрядный живописецъ, написалъ, какъ тогда мнѣ казалось, весьма вѣрно **). Что же? въ 1841-мъ году, проѣзжая изъ Петербурга и будучи на родинѣ, я полюбопытствовалъ видѣть сей свой портретъ и едва узналъ себя самого. Столько перемѣнъ въ 10 лѣтъ! Тогда я изъ Петербурга привезъ новый свой портретъ, писанный въ маѣ 1841 года ***). Эти портреты для меня впослѣдствіи будутъ любопытны.

*) Она уже скончалась въ шестидесятихъ годахъ, именно здѣсь. 25 марта 1867 года.

**) Онъ теперь у меня. 25 марта 1867 года.

***) Оставленъ въ Красноярскѣ. 31 мая 1872 года. Перерва.

Есть еще мой портретъ въ Вяткѣ, въ Успенскомъ монастырѣ, писанный съ меня въ сентябрѣ 1835 года.

Скажу исторію: у насъ въ Комлевѣ двѣ дочери пономаря Федора Петровича: Марія и Анна (обѣ въ то время невѣсты), въ то время, когда распространились слухи о холерѣ, по невѣжественнымъ толкамъ глупыхъ людей, научены были, въ предостереженіе отъ заразы, выпить дегтю. Несчастныя! онѣ выпили едва ли не по стакану чистаго березоваго дегтю! Что же съ ними? Онѣ начали чахнуть. Старшая Марія, прекрасная, умная дѣвица, боля больше году и собираясь умереть, потому отеклась отъ замужества и осталась дѣвицею. Ей теперь 37 или 36 лѣтъ. Я ее видѣлъ уже и въ прошедшемъ, 1841 году. Цвѣтъ ея угасъ. Она уже стала зрѣлою дѣвою; однако, по всей вѣроятности, она невинна. По крайней мѣрѣ нѣтъ и не было слуховъ черныхъ.

Другая — Анна скончалась и спустя немного послѣ моего отъѣзда изъ Комлева въ 1831 году. Кончина ея странная. Ей тогда, полагаю, было 24 или 25 лѣтъ. Она вдругъ стала заговариваться. Не стала ѣсть ничего, слегла. Родители ея и моя матушка, опасаясь за ея жизнь, начали ей предлагать исповѣдаться и причаститься святыхъ тайнъ. Чтожъ она? не соглашается никакъ. Родители стояли предъ нею на колѣняхъ и умолили ее: не согласилась! Твердила: „Я грѣшница недостойная. Я хуже сатаны!“ Чудное дѣло! Въ забытіи она водила голосомъ такъ, какъ бы нянчила дитя. (Это говорила мнѣ матушка).

Такъ она, умница, и скончалась. Не разъ приходилъ священникъ и ее уговаривалъ, не послушалась, тверди безпрестанно, что она величайшая грѣшница.

14 дней она была больна, не ѣла и не пила ни капли и скончалась. Удивительно! Трупъ ея тотчасъ осмердѣлъ и раздулся; тяжело было присутствовать и едва могли совершить погребеніе. Что сіе значитъ? Ей, не понимаю.

Скажу: она росла на моихъ глазахъ. Была прекроткая, пресмирная и весьма застѣнчивая дѣвица. Не могу сомнѣваться въ ея цѣломудріи. Какая же она грѣшница и такъ тяжкая?

Ужели тайный огонь страсти столько ее опалилъ, что испепелилъ для вѣчности и добродѣтели ея сердца? Дивлюсь: она притомъ была пребогомольная дѣвица. Спаси насъ Господи, и помилуй!

Еще въ бытность мою въ Комлевѣ мнѣ довелось, за болѣзнію священника, исповѣдать человѣкъ пять больныхъ.

1) Одна молодая женщина, удивительно, съ какимъ стыдомъ болѣзнію и раскаяніемъ исповѣдала, что ее мужикъ на дорогѣ насильно (!) принудилъ ко грѣху. Она такъ ужасалась этого грѣха, что сомнѣвалась въ прощеніи его.

2) Другой, юноша, лѣтъ 15 иль 16 тоже каялся, что онъ надалъ уже плотскимъ грѣхомъ. Такъ эта страсть сильна!

(Написалъ это вечеромъ 24 декабря 1842 года. Ровно годъ, какъ началъ себя описывать. Пишу въ Одессѣ, въ семинаріи).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мое первое житіе и инспекторство въ Тульской семинаріи.

1830 съ 12-го сентября по 15-е мая 1832 года.

(Продолженіе *).

(Пишу 5 января 1843 года).

Поживъ у родителей до половины февраля, иль поменьше, я чувствовалъ, что мнѣ стало легче. Должность моя призывала меня опять къ мѣсту службы, долженъ былъ проститься. Поѣхалъ въ

*) См. № 9 Тульск. Епарх. Вѣд.

Москву съ стѣсненнымъ сердцемъ, сомнѣваясь въ своей жизни. Дорогою заѣхалъ къ брату, бывшему тогда учителемъ въ Саввинскомъ духовномъ училищѣ. Товарищи его—ребята молодые, впрочемъ, степенные, меня утѣшили своимъ благочиніемъ. Они жаловались на своего смотрителя іеромонаха Василия, иль Алексѣя. Я у него былъ, попенилъ ему слегка: онъ обидѣлся, считалъ себя праведникомъ, и видно, что имѣлъ неисправимую гордость. Я замолчалъ, а учителей просилъ терпѣть.

Вскорѣ послѣ меня этотъ монахъ помѣшался въ разсудкѣ; былъ взятъ въ Лавру и едва ли исправился. Не знаю, живъ ли онъ теперь. Спаси насъ, Господи!

Пріѣхавши въ Москву, я пожилъ здѣсь еще немного, походилъ по соборамъ и монастырямъ. Исихондрія моя меня тиранила; отрады не нашелъ нигдѣ.

Рѣшился ѣхать въ Тулу; собрался и пріѣхалъ, кажется, 25 февраля 1831 года.

Вошелъ въ свою келью. Слезы покатались сами. Вижу, что утѣшеніе мое только въ милосердіи Божіемъ. Отселѣ пошла моя жизнь тихо. Болѣзнь меня тиранила, я молчалъ и благодарилъ Бога за то, что живъ, и что могу хоть какъ-нибудь исполнить свою должность.

Къ моему пріѣзду холера уже прекратилась, я былъ радъ. Пусть, думалъ я, умру; но не сею грозною и постыдною смертію. Усилю принести покаяніе и причаститься св. Тайнъ. Истинно, единое милосердіе спасло меня.

При семинаріи у насъ своя церковь. Мы тутъ служили по праздникамъ. Сперва я самъ очень утѣшался. Но послѣ, когда усилились мои болѣзни, это было для меня уже очень важное бремя. Народу собиралось множество; ужасналъ духота. Со мною испуги и томленія, каждый разъ ждалъ удара смерти. Однако милосердый Господь меня подкрѣплялъ.

Я не имѣлъ переменъ; былъ эконоомъ іеромонахъ, настолько преданъ пьянству, что почти не служилъ. У насъ былъ дьяконъ изъ семинаристовъ. При мнѣ ихъ было, кажется, два. Первый—Василій Петровичъ очень хорошъ. Мастеръ служить и весьма благоговѣнъ. Онъ меня душевно любилъ и уважалъ. (Вѣднjackа! послѣ моего отбытія въ Новгородъ, онъ получилъ священническое мѣсто въ Новосильскомъ уѣздѣ. Подвергся тому же искушенію, что я, испугамъ. При второмъ моемъ пріѣздѣ въ Тулу,

онъ у меня былъ и говорилъ объ этомъ съ горькими слезами. Я утѣшалъ, какъ могъ).

Въ іюлѣ, около Ильина дня, ко мнѣ пріѣхали: батюшка съ матушкою и братомъ Михаиломъ. Привезъ ихъ нашъ Захневскій мужикъ Евстафій. Я имъ былъ радъ несказанно. Они здѣсь благословили меня образомъ Воскресенія Христова и это меня весьма утѣшало. Этотъ образъ доселѣ со мною *).

Но въ это время снова обнаружилась холера и начала крушить людей. Я ужасался и за себя и за своихъ родителей. Имъ я ничего не говорилъ; но самъ былъ, какъ приговоренный къ смерти. Я ихъ не удержалъ у себя, сберегая ихъ. Они уѣхали дня черезъ три или четыре. Я ихъ далеко проводилъ. Плакалъ горько отъ того, что не надѣялся жить.

Но и здѣсь пока милосердіе Божіе спасло меня. Въ этотъ разъ также похищенъ былъ холерою одинъ изъ учителей семинаріи: священникъ Никаноръ Ивановичъ Ивановъ. За нѣсколько дней до смерти онъ у меня былъ и утѣшалъ меня противъ ужасовъ сего гнѣва Божія, и самъ пошелъ въ вѣчность. Царство ему небесное! Дивно надо мною милосердіе Божіе.

Въ день Успенія меня пригласилъ соборный староста старецъ Иванъ Гавриловичъ Сабининъ отобѣдать. Кушанья его очень просты. Особенно помню какое-то хлебанье изъ вареной визиги. Ночью со мной сдѣлался поносъ, и ужаснулся, думалъ, что со мной холера. Однако унялось отъ краснаго вина. (Съ этого времени доселѣ я пью красное предпочтительно всѣмъ другимъ винамъ). 31-го іюля я позванъ былъ почтеннымъ профессоромъ и протоіереемъ Михаиломъ Петровичемъ Мерцаловымъ на крестины къ нему. У него родилась дочь Евдокія **). Я былъ воспріемникомъ съ какою-то пожилою толстою барышнею. Съ этого времени я познакомился ближе съ симъ почтеннымъ семействомъ.

Въ сентябрѣ ко мнѣ пріѣхала матушка съ тѣмъ, чтобы у меня пожить и меня развеселить. Я весьма былъ радъ. Она у меня жила до января.

Матушка у меня едва не умерла. Въ ностъ говѣла, послѣ причастія поѣла кислой капусты, и съ ней сдѣлался опасный

*) А нынѣ (25 марта 1867 года) сей образъ въ алтарѣ домової Предтеченской церкви архіерейскаго дома въ Красноярскѣ.

**) Она скончалась 18 лѣтъ.

поносъ. Это было наканунѣ Введенія. Я ужаснулся, однако Богъ спасъ. Помогли мятныя капли Моренкова.

Въ самый день Рождества Христова у профессора, моего товарища Ивана Михайловича, родился сынъ Василій. Роды были тяжелы. Матушка разбудила меня въ полночь и попросила войти въ церковь и отворить царскія врата. Я всталъ, облачился, отворилъ, и родильница благополучно разрѣшилась отъ бремени.

На третій день Рождества, по желанію матушки, я выпросился у преосвященнаго къ зятю въ Коломенскій уѣздъ, въ село Болркино. Тамъ провелъ праздникъ безъ скуки. Сестра была беременна и на дняхъ; меня умоляли, чтобъ я дождался разрѣшенія. Прожилъ до 10-го января, но долѣе не могъ. Уѣхалъ, и чрезъ нѣсколько часовъ сестра разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Его называли Макарій. Онъ живъ; теперь учится.

Въ это время ночью на насъ напали волки. Бѣжали рядомъ съ нами нѣсколько верстъ, однако не тронули ни насъ, ни лошадей. Я ужасно перепугался.

Я ночевалъ и взадъ и впередъ въ городѣ Каширѣ; чрезвычайно понравилось мнѣ мѣстоположеніе города, на правомъ берегу Оки, на превысокой овальной горѣ, видъ богатый, хоть городъ плохой.

Тутъ же, ѣхавъ изъ Тулы, я заблудился и ночевалъ въ одномъ селѣ у священника. Бѣдняжка! онъ въ лаптихъ, въ шубенкѣ, безъ косы; сущій мужичекъ. Дочка его, дѣвушка лѣтъ 16-ти, въ одной рубашкѣ, босикомъ; въ избѣ земляной полъ, лавокъ нѣтъ, самодѣльный столъ и скамейки. Не только не имѣютъ самовара, но и не умѣютъ его поставить. Священникъ получаетъ отъ прихода въ годъ десять рублей.

Такъ-то бѣдствуетъ и донинѣ наше духовенство!

Тутъ помѣщикъ-поликъ. Прогналъ духовенство за оврагъ, дальше какъ за полверсты отъ церкви, а на ихъ мѣстѣ развелъ себѣ садъ.

Въ то время, какъ матушка на сей разъ жила въ Тулѣ, она, по моему предложенію, выбрала богослова въ женихи своей дочкѣ, а моей сестрѣ Маріи. Мнѣ что-то не совсѣмъ показался избранный, однако я согласился. Это Егоръ Кирилловичъ Добронравовъ, который впослѣдствіи точно и женился на нашей Маши. Теперь онъ священникъ въ селѣ Рождественѣ, что на Истрѣ, близъ Новаго Іерусалима, Московской губерніи. Я его теперь люблю:

добрый мужъ, зять и священникъ. Спасибо ему. Съ нимъ-то я ѣздилъ къ зятю въ это время. Матушка осталась у зятя, а мы съ Добронравовымъ возвратились въ Тулу.

Сколь не любили меня семинаристы и сослужащіе, и даже нѣкоторые изъ мірскихъ, но частію по непривычкѣ жить на чужой сторонѣ, а главное, по причинѣ моей постоянной болѣзни, жизнь въ Тулѣ мнѣ казалась не иначе, какъ ссылкой: я грустилъ безотрадно, и мнѣ ничто было немило. Черезъ годъ я рѣшился писать къ отцу ректору академіи и проситься у него въ бакалавры академіи. Я тутъ не имѣлъ никакихъ видовъ, кромѣ душевнаго спокойствія. Въ святой обители угодника Божія, преподобнаго Сергія, думалъ я, мнѣ будетъ жизнь отрадые. Его молитвами я сохранюсь отъ грознаго гнѣва Божія — холеры. По крайней мѣрѣ, если умру, то среди священнаго братства. Мнѣ будетъ легче быть простымъ бакалавромъ; инспекторъ и профессоръ въ семинаріи — сугубыя хлопоты. Такія мысли я сообщилъ о. ректору и умолялъ его меня утѣшить. Что жъ? Я сочтенъ сумасшедшимъ! „Видно такова Тула, что тамъ мѣшаются умы!“ Вотъ была горькая иронія на мой вопль къ отцу; въ этой ироніи есть намекъ на нѣкогда здѣсь бывшаго ректора Моисея, точно помѣшавшагося въ разсудкѣ.

Отецъ Филаретъ, бакалавръ Московской академіи и мой товарищъ, передалъ мнѣ этотъ отзывъ о. ректора, со скорбію, только не знаю, искренно, иль притворно. Я утихъ. Сталъ молиться Богу.

Между тѣмъ ту же скорбь и прямо и не прямо я сообщилъ бородинской игуменьѣ Маріи. Не знаю навѣрное, но думаю, что она говаривала обо мнѣ митрополиту и просила возвратить на родину.

По крайней мѣрѣ, на другомъ году въ маѣ я получилъ предписаніе (11 мая 1832 года), по коему и переводился въ Новгородскую семинарію инспекторомъ же и профессоромъ философіи и еврейскаго языка.

Я не зналъ: скорбѣть мнѣ, иль радоваться? По крайней мѣрѣ, перемѣна мѣста, древній городъ, наполненный святынею и монастырями, меня ободряли. И я разстался весело со скучною Тулою!

Разкажу двѣ, иль три печальныя исторіи, случившіяся здѣсь въ мое время.

1) Товарищъ мой Сила Ѳедоровичъ Астринъ, изъ нижегородскихъ, былъ опредѣленъ смотрителемъ училищъ Новосильскихъ. Училища помѣщались въ Духовскомъ монастырѣ, что близъ Новосиля. Онъ пріѣхалъ сюда послѣ Рождества. Въ Тулѣ былъ безъ меня (я тогда былъ въ отпускѣ). Вступилъ въ должность. Исправлялъ ее изрядно. И что жъ? погубилъ себя, совсѣмъ неожиданно, самоубійствомъ! Ночью заперся въ своей комнатѣ и зарѣзалъ себя перочиннымъ ножомъ! Какая убійственная исторія! Перепуганы были всѣ. Производились два, иль три слѣдствія. Дѣло тянулось больше года, и, слава Богу, никто за него не пострадалъ. Астринъ оставилъ послѣ себя записку, на имя настоятеля монастыря, своего предмѣстника, игумена Августина. Не помню всей до слова; но вотъ что писано: „Вотъ до чего довела меня поганая плотская любовь! Я отъ нея погибаю. Не вините никого“.

Къ истолкованію сей записки, скажу: Астринъ тогда имѣлъ дурную болѣзнь, которою онъ заразился еще до поступленія въ академію. Онъ еще на первомъ году ѣздилъ въ Москву лѣчиться. Пріѣхалъ оттуда черезъ два, иль три мѣсяца, а однако съ тѣхъ поръ все время академическаго ученія жилъ въ больницѣ и почти не ходилъ въ классы. Такъ и кончилъ курсъ. Новосильскій лѣкарь точно говорилъ, что этотъ г. Астринъ умеръ бы скоро и отъ сей болѣзни. Она внѣдрилась уже въ голову и скоро провалился бы черепъ самъ собою. Онъ лишилъ себя жизни отъ отчаянія.

Дѣло это было и у Государя. Государь написалъ: „Не могу не замѣтить, что трудно понять, почему такіе воспитанники могутъ быть въ духовныхъ академіяхъ, даже получать послѣ должностныя мѣста“.

Къ намъ въ Тулу это извѣстіе пришло тогда, какъ мы сидѣли на экзаменѣ. О. ректоръ подаль мнѣ бумагу. Я едва усидѣлъ на стулѣ: Холодный потъ облилъ меня всего.

Боже мой! такъ горько расплачиваемся мы за наши безчестные пороки! Спаси и помилуй насъ, Господи!

2) Не менѣе жалка и другая исторія, о. Августина игумена, предмѣстника Астрина. Онъ былъ тутъ игуменъ; на свой коштъ выстроилъ училище (истратилъ будто до 20 тысячъ), за что получилъ наперстный золотой крестъ. Но разсорился съ семинарскимъ правленіемъ и погибъ. Я не знаю въ немъ большой вины.

Жалѣлъ, что жестоко съ нимъ поступаютъ, его отстаивать не могъ и не умѣлъ. Дивлюсь: ректоръ семинаріи, о. Стефанъ, нѣкогда былъ учителемъ въ семъ училищѣ, келейникомъ у о. Августина, и о. Августиномъ отправленъ въ академію, и имъ облагодѣтельствованъ, и не помнитъ ничего.

Его отрѣшили отъ смотрительства. Тутъ уже о. Августинъ дѣлалъ самъ нехорошо: получилъ за полгода училищную сумму и не сдалъ ея преемнику, опираясь яко бы на право, что ему должна казна за постройку училища. Его тутъ повинили снова уже епархіальнымъ судомъ и довели до того, что его разстригли!). Даже едва-ли онъ не попалъ въ солдаты!

З) Почти въ одно время съ Астринымъ, другой мой товарищъ, смотритель Епифанскихъ духовныхъ училищъ, іеромонахъ Іоасафъ, сдѣлалъ надъ собою бѣду. Еще въ академіи было видно, что онъ имѣлъ горькую страсть — пьянство, но тамъ мало было своей воли. Здѣсь онъ предался сей злой страсти безъ всякой мѣры и осторожности. Купилъ себѣ боченокъ вина и боченокъ коньяку и пилъ ихъ, какъ воду. Отъ того онъ пришелъ въ какое-то изступленіе. Началъ бѣгать по городу въ одной рубашкѣ. Городничій представилъ его при бумагѣ къ намъ въ правленіе, сказавъ между прочимъ, что таковые люди не могутъ быть терпимы въ городѣ.

Привезли его бѣдняжку въ Тулу. Какъ товарищъ, я взялъ его въ свои комнаты для того, чтобъ сохранить. Отецъ Іоасафъ въ это время былъ уже въ помѣшательствѣ. Я позвалъ лѣкаря. Лѣкарь велѣлъ приложить ему къ затылку мушку. Сколько не уговаривалъ его лѣкарь, онъ не согласился, говоря: „Приложи себѣ, если хочешь“. Лѣкарь, отойдя, сказалъ мнѣ: „Постарайтесь приложить ему мушку. Иначе онъ опасенъ“. Съ утра до вечера я бился съ нимъ и ни обманами, ни угрозою не могъ убѣдить. Опасаясь послѣдствій дурныхъ, я рѣшился его поугаать: вхожу къ нему, онъ держитъ табакерку противъ носа, сидя на печкѣ (такъ онъ сидѣлъ почти полсутокъ). Я подошелъ, ударилъ по табакеркѣ и вышибъ. Говорю: „Что жъ, приложишь мушку, иль нѣтъ?“ „Приложи себѣ“, отвѣчалъ о. Іоасафъ. Я ему погрозилъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ крупно. Я кликнулъ семинаристовъ, (уже

*) (2 апрѣля 1867 года). Слышалъ нынѣ, что онъ жилъ бродягою въ Харьковѣ и тутъ кончилъ жизнь.

приготовленныхъ мною), приказалъ строго: стащить его съ печи. Стащили. Говорю: „Давай приложу мушку“. Отвѣтъ его прежній. Я: „Хорошо же! ребята! разложите-ка его. Подайте розги.“ Подали розги, повторяю: „Приложи мушку“.—„Нѣтъ“.—„А когда нѣтъ, то я тебя научу повиноваться“. Взялъ розги: ударилъ разъ—молчить, другой—поежился, третій—сказалъ: „Больно. Ну, теперь приложу!“ Такимъ образомъ и была приложена мушка. Я настрашалъ его, говоря: „Не смѣй снять безъ моего приказанія“. И въ этомъ послушался; а я между тѣмъ почасту его навѣщалъ. Нарвала мушка, открыли пузырь, и ему стало легче: просвѣтился немного рассудокъ, и онъ спасенъ.

Что же? Его однако засудили, особенно за растрату до 700 р. казны. Онъ былъ посланъ въ Бѣлевскій монастырь. Но и тамъ нашумѣлъ. Низведенъ въ простое монашество. Въ это время, когда я пріѣхалъ въ Тулу уже въ другой разъ изъ Новгорода; онъ, рѣшаясь сложить съ себя санъ, сталъ мнѣ грозить: „Ты меня сѣкъ розгами. Я и ты священники. Со мною и тебя судить должно“. И онъ точно хотѣлъ завести со мною дѣло. Спасибо консисторскимъ: погрозили, и онъ умолкъ.

Царство ему небесное! Онъ уже въ землѣ, и давно. Мнѣ его жаль, но его, кажется, догубила гордость, и подняла высоко страсть пьянства. Гордъ былъ нестерпимо. Его ничѣмъ не смиришь. Прости его Господи! Но если я его обидѣлъ, что сѣкъ, то я свидѣтельствуюсь моею совѣстію предъ Богомъ; я хотѣлъ только его спасти, а не позорить.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мое первое житіе и инспекторство въ Тульской семинаріи.

1830 съ 12-го сентября по 15-е мая 1832 года.

(Продолженіе *).

Теперь скажу о сослужащихъ со мною.

1) *Ректоръ семинаріи, архимандритъ Стефанъ Зелятровъ ***), тульскій; обучался въ Петербургской академіи; 6-го курса, магистръ.

Вотъ его промоція: сперва онъ былъ инспекторомъ въ Смоленской семинаріи, потомъ въ Московской. Въ 1829-мъ году сдѣланъ ректоромъ въ Тулѣ, въ концѣ 1832-го переведенъ ректоромъ же въ Казань. Съ начала 1841-го былъ вызванъ въ С.-Петербургъ на чреду, гдѣ тогда былъ и я череднымъ же. По окончаніи чреды, переведенъ ректоромъ же въ Воронежскую семинарію, гдѣ находится и донынѣ.

Я пріѣхалъ въ Тулу, онъ былъ годъ уже ректоромъ и успѣлъ прослыть жестокимъ. Это онъ зналъ, и тѣмъ любовался, почитал за то себя образцовымъ. Меня, какъ инспектора, онъ трактовалъ

*) См. № 10 Тульск. Епарх. Вѣд.

**) 9 мая 1846 г.

не больше, какъ послушникомъ. Моихъ мнѣній ни о чемъ знать и слышать не хотѣлъ, почитая либо себя слишкомъ знающимъ, либо меня ничего не понимающимъ; я только подписывалъ бумаги. Впослѣдствіи это мнѣ, отчасти по самолюбію, сдѣлалось больно; а больше я не могъ быть равнодушнымъ къ стону семинаристовъ, которые имѣли несчастье подпадать подъ его желѣзный гнетъ. Я не разъ хотѣлъ заступиться тамъ и здѣсь тогда, какъ съ своей стороны находилъ сентенцію ректора жестокою, заступленія были ничтожны. Дѣла дѣлались, какъ хотѣлъ ректоръ.

По сей причинѣ, сохраняя къ нему уваженіе, какъ къ начальнику, я его полюбить не могъ. У меня сердце мягко.

Впрочемъ, спасибо ему: въ тяжкія минуты страданій отъ моей болѣзни, онъ меня ласкалъ и хоть слегка утѣшалъ. Я къ нему имѣлъ невозбранный входъ и иногда очень пріятно было посидѣть у него часъ, наняться чайку и раздѣлить время въ разговорахъ.

Съ самаго начала моего поступленія я съ нимъ однако столкнулся непріятно. Вотъ случай.

По предписанію академическаго правленія я назначенъ вторымъ профессоромъ богословія и еврейскаго языка. Отецъ ректоръ изъ меня сдѣлалъ простаго лектора. Онъ мнѣ поручилъ повторить богословскіе уроки съ учениками, кончившими курсъ, толкуя, что это и будетъ значить — 2-ой профессоръ богословія. Мнѣ было это обидно. Я просилъ раздѣлить дѣйствительныхъ учениковъ высшаго отдѣленія на двѣ половины и мнѣ поручить одну. Ректоръ не согласился, потому, какъ онъ мнѣ говорилъ, что семинарское правленіе у академическаго просило именно такого профессора. А я основывался на предписаніи о мнѣ, гдѣ сказано прямо: раздѣлить учениковъ высшаго отдѣленія на двѣ половины и вторую поручить мнѣ.

Такъ какъ о. ректоръ не согласился со мною, то я, предупредивъ его, писалъ о семъ письмо къ о. ректору академіи. Отецъ ректоръ отвѣчалъ, утверждая мое мнѣніе. Тогда мой ректоръ согласился меня принять въ сотоварищи къ богословію. Учениковъ мы не раздѣлили, а раздѣлили предметъ. На мою часть пало нравственное богословіе, такъ чтобы я ходилъ въ классъ черезъ день. Это меня успокоило и весьма облегчило должность профессора.

Впрочемъ, такъ какъ я не мѣшалъ о. ректору въ его распо-

ряженіяхъ, а его приказанія по возможности исполнялъ съ совѣстію, то онъ меня любилъ, по крайней мѣрѣ не обижалъ и вездѣ отличалъ меня отъ профессоровъ.

Кромѣ помнутаго случая, я съ нимъ прожилъ тихо и мирно.

По гостямъ почти всюду мы ѣздили вмѣстѣ.

2) *Профессоръ философіи, послѣ священникъ, Матвій Даниловичъ Рудневъ* *), товарищъ о. ректора, магистръ и очень умный. Онъ былъ какой-то анахоретъ и простоватъ, хотя не безъ хитростей, и довольно мстителенъ. Жену за себя взялъ онъ какую то сиротку въ Калугѣ, Марію (не помню отчества). Чудно! жена тоже походила на мужа, такая же простенькая, и сидѣла дома, какъ птичка. Матвій Даниловичъ нѣсколько времени былъ секретаремъ и жилъ въ семинаріи. У него я почасту бывалъ. Очень было пріятно. Жена его любила одного мужа, а я по болѣзни былъ безстрастенъ, какъ дитя. Оттого они оба меня любили. Между тѣмъ и много и ему и его роднымъ споспѣшествовалъ по нѣкоторымъ небольшимъ дѣламъ. Онъ поступилъ во священника на мѣсто скончавшагося холерою профессора философіи же протоіерея Базарова.

Мы съ нимъ разстались друзьями. У него былъ двоюродный братъ Семенъ Орлинскій, несчастный кандидатъ, и, кажется, его товарищъ. Много мы о немъ хлопотали и что-то выхлопотали: теперь не помню. Нынѣ, кажется, онъ смотрителемъ въ Новосильскихъ училищахъ.

3) *Профессоръ философіи же Иванъ Ивановичъ Смирновъ* **), мой товарищъ, магистръ, послѣ священникъ. Онъ сперва опредѣленъ былъ во Владимірскую семинарію, на мое мѣсто. Отсюда, сославши за себя сестрицу о. Виталія, тогда бывшаго ректора Московской семинаріи (нынѣ епископа Костромского), Анну Михайловну, онъ перепросился въ Тулу, на мѣсто умершаго профессора Базарова. Профессоръ умный и прилежный. Мы съ нимъ были хороши. Жена его достойная женщина и умна, и цѣломудренна, и не горда. Дай Богъ имъ счастья. (Я былъ и любовался ихъ жизнью, проѣзжая чрезъ Тулу въ Одессу въ сентябрѣ 1841 года).

4) *Профессоръ словесности протоіерей Михаилъ Петровичъ*

*) Онъ и доселѣ здравствуетъ, въ санѣ протоіерея, здѣсь же. (2 апрѣля 1867 года).

**) Скончался на этомъ же мѣстѣ протоіереемъ.

Мерцаловъ, магистръ 2-го курса Московской академіи. Это отличный человѣкъ. Профессоръ преумный и довольно попечительный, съ благородною амбиціею, но безъ гордости и униженія сотоварищей, хотя и самыхъ мелкихъ. Онъ мой кумъ. Его жена Елизавета Ивановна изъ хорошаго дома, дочь священника. Самъ онъ роста маленькаго и здоровья бѣднаго. Жена его напротивъ женщина весьма тучная и недурна собою. По связи духовнаго родства, я у нихъ былъ, какъ ближній родственникъ. Моя крестница, ихъ дочка Дуниша теперь уже имѣетъ 12-й годъ, вся въ матушку.

Чудно! Елизавета Ивановна*) меня любила больше, нежели сколько позволяла простая пріязнь. Но я этого не зналъ. Узналъ, когда уѣхалъ въ Вятку. Жаль ее: симъ она обижаетъ столь достойнаго мужа.

Услышалъ, что она завела какіи-то жалкіи связи съ кѣмъ-то. Жаль! Молодость и избытокъ здоровья, а въ мужѣ, конечно, слабость, суть правдоподобныя причины ея похожденій.

5) *Кириллъ Ивановичъ Анеловъ*, мой товарищъ, кандидатъ, нынѣ священникъ, учитель словесности. Это сущее дитя. Простъ и даже съ глупостію. Впрочемъ, съ благочестіемъ непритворнымъ и горячимъ. Меня онъ и любилъ и уважалъ.

Для разсѣянія своей ипохондріи, я его пригласилъ жить со мною. Онъ былъ радъ потому, что жилъ на квартирѣ. Мы съ нимъ жили по-братски. (Сейчасъ у меня въ монастырѣ, что близъ Одессы, скончался старецъ Артемій; неизвѣстно откуда онъ и чей. Жилъ въ монастырѣ лѣтъ 12. Скончался тихо. Я у него былъ за 4 часа до смерти. Скончался 10 января 1843 года въ 11 часовъ вечера). Онъ мнѣ былъ великимъ утѣшеніемъ (хотя я его часто обижалъ своими прихотями). Мы съ нимъ хаживали гулять по полямъ, и часто обхаживали верстъ по 10-ти. Учитель онъ былъ очень небожій, но зато совершенно неутомимый. И оттого много дѣлалъ добра. Впослѣдствіи онъ былъ мнѣ, яко инспектору, помощникомъ. Тутъ я на него часто сержился за его мелочность, а однако и тутъ отъ него было много добра**).

6) *Василій Ивановичъ Краснощековъ*, профессоръ церковной исторіи, магистръ 4 курса Московской академіи, ключарь каѳед-

*) Она скончалась въ январѣ 1865 года.

**) Скончался уже давненько. (2 апрѣля 1867 г.).

рального собора, племянникъ преосвященнаго. Онъ давно овдовѣлъ. Жена его преумная и прекраснаго лица женщина. Умерла чашоткою. При мнѣ она доканчивала свою жизнь. Василій Ивановичъ профессоръ умный, но мстителенъ и нечеловѣколюбивъ; порядочно гордъ. Я съ нимъ не былъ близокъ. По выbytи моемъ изъ Тулы въ Вятку (19 февраля 1835 года), онъ опредѣленъ на мое мѣсто инспекторомъ, чѣмъ остается и доселѣ.

7) *Одѣоръ Еворовичъ Дарскій*, священникъ, кандидатъ 6-го курса Петербургской академіи, учитель гражданской исторіи. Очень примѣренъ, но весьма недалеко. Съ нимъ я не былъ близокъ. Маленько его подозрѣвали, будто ибедничалъ преосвященному, я того не знаю, и не хочу грѣшить.

8) *Тимошев Трофимовичъ Хитровъ* *), кандидатъ 3-го, или 4-го курса Московской академіи, впоследствии священникъ, учитель гражданской исторіи. Препростой и добрый. Я съ нимъ былъ въ дружбѣ. Бывалъ у него нерѣдко. Его тесть, священникъ въ Чулковѣ, о. Стефанъ, мой духовный отецъ, по духу весьма строгій. Онъ давно ослѣпъ. Жена Тимошова Трофимовича Екатерина Степановна предобрая, кроткая и цѣломудренная женщина.

9) *Геромонахъ Поликарпъ Орлинскій*, кандидатъ 3-го курса Московской академіи, экономъ семинаріи. Бѣдникъ! онъ былъ инспекторомъ въ Казанской семинаріи и лишился мѣста за нетрезвость. Его сдѣлали при семинаріи Тульской (онъ родомъ Тульскій) экономомъ изъ жалости къ его участи. Съ годъ онъ держался. Но послѣ принуждены были его уволить. Онъ посланъ былъ въ Новосиль въ монастырь и тамъ несчастно скончался. Вывало, онъ меня мучилъ своимъ тиранствомъ надъ мальчикомъ, его племянникомъ, и надъ служителями.

10) *Козьма Максимовичъ Ориповъ* **) сперва инспекторъ семинаріи и профессоръ, послѣ ректоръ училищъ, нынѣ протоіерей кафедральнаго собора. Я поступилъ въ инспекторство на его мѣсто. Магистръ 1-го курса Петербургской академіи. Это примѣчательный человекъ. Отлично исправенъ по всѣмъ частямъ. По должностямъ строгъ; съ подчиненными важенъ. Предъ выс-

*) Давно скончались и онъ, и жена его (2 апрѣля 1867 г.).

**) Давно скончался, былъ однако жестокъ къ дѣтямъ (ученикамъ) и мстителенъ. Любилъ шептателей. За что его ненавидѣли. (1867 г.).

шими уважителенъ, съ равными пріятенъ. Я его всегда уважалъ. У него либо семь, либо восемь сыновей и дочь. Сынъ профессоръ, другой въ Петербургской академіи. Дочь за священникомъ кандидатомъ. Жена его была важная женщина. Лѣтъ 5 уже скончалась. Ему много одолжены Тульскія училища, даже и постройкою ихъ.

11) *Федоръ Минуиловичъ Громицкій*, семинарскій врачъ, изъ малороссовъ. Бѣдняжка! но какому-то злему воспитанію или сообществу — вольтерьянецъ. Бывало, измучитъ своими глупыми и дерзкими бреднями. Жилъ въ бѣдности. Имѣлъ дѣтей, хотя былъ холостъ. Свое дѣло порядочно разумѣлъ и былъ не лѣнивъ. Давно уже умеръ.

12) *Михаилъ Абрамовичъ Воскресенскій*, магистръ 9-го курса Петербургской академіи, изъ тверскихъ, профессоръ математики. Съ этимъ человекомъ я доселѣ въ дружбѣ*). Онъ пріѣхалъ въ Тулу въ 1831-мъ году, когда я былъ уже годъ здѣсь. Я его тотчасъ принялъ къ себѣ въ комнаты. Онъ у меня прожилъ недѣли двѣ. Потомъ мы вмѣстѣ пріискивали для него квартиру и нашли.

Оттого мы очень подружились. Но это больше дѣлаетъ честь его душѣ. Я ему служилъ мало. Онъ мнѣ заплатилъ вдесятеро. Я ему теперь долженъ 1000 рублей, и онъ съ меня ихъ не просить.

Онъ жилъ въ Тулѣ четыре года, потомъ, исключась въ свѣтское званіе, онъ, по приглашенію оберъ-прокурора св. Синода Степана Димитріевича Нечаева, перешелъ на службу при комисіи духовныхъ училищъ; года черезъ два, или три онъ уже получилъ должность экспедитора по части учебной. Но съ преобразованиемъ синодскихъ канцелярій и упраздненіемъ комисіи, онъ лишился мѣста въ ново-учрежденномъ духовно-учебномъ управленіи, (которое отчасти замѣнило комисію), и поступилъ въ канцелярію оберъ-прокурора графа Протасова помощникомъ начальника отдѣленія, т. е. одною степенію ниже. Это было во время моей жизни въ Петербургѣ. Я хотѣлъ ему помочь. Не могъ!

*) Въ той же дружбѣ съ Михаиломъ Абрамовичемъ я и доселѣ. Нынѣ онъ вице-директоръ канцеляріи оберъ-прокурора, дѣйствительный статскій совѣтникъ. (2 апрѣля 1867 г.).

Но я къ нему признателенъ. Предоброй души человекъ, и я весьма жалѣю, что онъ пошелъ въ свѣтское званіе.

(Оковчаніе слѣдуетъ).

Мое первое житіе и инспекторство въ Тульской семинаріи.

1830 съ 12-го сентября по 15-е мая 1832 года.

(Окончаніе *).

Скажу о преосвященномъ Тульскомъ.

Его зовутъ Дамаскинъ. Человѣкъ слишкомъ недалекій, впрочемъ опытностію достигъ нѣкотораго знанія. Вотъ его промоція: онъ былъ законоучителемъ въ С.-Петербургскомъ коммерческомъ училищѣ, іеромонахомъ, потомъ архимандритомъ. Училище сіе было часто посѣщаемо покойною Императрицею Маріею Ѳеодоровною. Что-то ей о Дамаскинѣ показался. Дано повелѣніе произвести его въ епископа. Его сдѣлали викаріемъ Новгородскимъ. Здѣсь онъ былъ съ годъ, иль меньше. Послѣ въ концѣ 1820-го, иль 21 года его перевели въ Тулу, гдѣ онъ находится и доселѣ! **).

Всѣ его недостатки заключаются въ корыстолюбіи, которое иногда (можетъ быть, и безъ вѣдома его, чрезъ его приближенныхъ) обращается въ сущее грабительство. Впрочемъ, еще можетъ быть по слабости душевной онъ жестокъ на судѣ. Много гибло отъ его руки людей, стоявшихъ чего-либо.

Имъ управлялъ іеромонахъ, послѣ игуменъ Никаноръ, экономъ архіерейскаго дома. Смышленный человѣкъ изъ семинаристовъ исключенныхъ, но, по невѣжеству и потачкѣ отъ архіерея, гордъ и презрителенъ несносно. Архіерей нянчился съ нимъ, какъ съ дитею, вездѣ съ о. экономомъ. (Онъ послѣ былъ архимандритомъ въ монастырѣ Новгородѣ-Сѣверскомъ и тамъ скончался давно).

Въ 1831-мъ году, по случаю набора съ духовныхъ въ солдаты, преосвященный показалъ такую ревность, которой содрогнулись даже прочія сословія. Не знаю, — винить ли его за сіе? Можетъ быть, по слабости душевной и по недалекому уму, онъ боялся быть снисходительнымъ.

Не знаю точно, сколько отдано въ это время изъ Тульскихъ. Впрочемъ, полагаю, болѣе 300.

*) См. № 11 Тульск. Епарх. Вѣд.

**) Давно скончался въ монастырѣ близъ города Бѣлева, который и готовилъ себѣ для покоя. Жилъ года два на покой.

Скажу по этому нѣчто.

1) По правиламъ слѣдовало сдавать въ солдаты неученныхъ церковниковъ, исключенныхъ изъ семинарій и училищъ, и духовныхъ штрафованныхъ, иль подъ судомъ находящихся.

У одного дьячка было два сына. Одинъ исключенъ изъ реторики, другой церковникъ по малоумію. Одного надобно было оставить (по правиламъ) на пропитаніе отца. Преосвященный самъ не сдѣлалъ выбора, кого оставить при отцѣ, отослалъ обоихъ братьевъ въ пріемъ, для выбора одного изъ нихъ въ солдаты. Разумѣется выбрали семинариста, а неученаго церковника возвратили на то, чтобъ, вмѣсто подпорокъ отцу (какъ требовали правила), сѣлъ ему же на шею!

Но что далѣе? Злодѣй благочинный, (ибо я не могу назвать его иначе), донесъ въ это время и на сего несчастнаго отца, что онъ когда-то былъ нетрезвъ! Преосвященный отправилъ отца въ тотъ же пріемъ. Взяли въ солдаты и отца. Что еще? Преосвященный сталъ разсуждать. Одного изъ двухъ сыновей я оставилъ отцу, чтобъ ему былъ подпорою, теперь отецъ въ солдатахъ, зачѣмъ же оставаться и сему послѣднему сыну? — и отослалъ и сего въ пріемъ. Тамъ приняли. И вышло: отецъ и два сына пошли вмѣстѣ въ солдаты, т. е. вырванъ съ корнемъ цѣлый домъ! Это безчеловѣчно.

Послѣ сего дьячка (вдоваго) осталась еще 10-ти, иль 11-ти лѣтъ дочка. Бѣдная сирота! безъ крова, безъ куска хлѣба. Не знаю, кто ее взялъ.

2) Въ это время отъ насъ изъ семинаріи требовалось четыре, иль пять человекъ въ медицинскія академіи, имъ давали экзамень во врачебной управѣ. Меня правленіе семинаріи отправило депутатомъ.

Скажу, что я видѣлъ въ это время.

Изъ пріема присланы были во врачебную управу три дѣтнки духовныхъ: одинъ глухъ, другой дуракъ, третій сляченный. Въ пріемѣ они оказались неспособными къ военной службѣ. Врачебная управа должна была или подтвердить ихъ неспособность, или доказать, что они способны. Потребовали всѣхъ трехъ въ присутствіе. Тутъ былъ и я по своимъ дѣламъ.

Инспекторъ врачебной управы нѣмецъ; акушеръ русскій нѣкто Успенскій, сынъ тульскаго протоіерея, (который тогда былъ присутствующимъ въ консисторіи и людоедомъ). Что же? Взялся

испытывать этихъ несчастныхъ акушерь. Съ дуракомъ заговорилъ пакости, спросилъ: „хочешь ли жениться“ и проч., съ глухимъ кричалъ во все горло; сличеннаго, послѣ требованія стать прямо и поднять голову и послѣ его послушанія, иль натуральной неспособности, злодѣй схватилъ за волосы и началъ таскать по залу, толкая колѣнами ему въ грудь и подъ боку. Несчастный промычалъ, не сказавъ ни слова! Инспекторъ сталъ уговаривать (нѣмецъ русскаго! лютеранинъ православнаго! свѣтскій духовнаго!) акушера и просилъ безъ поисковъ написать, что свидѣтельствованы и точно оказались неспособны къ службѣ; тѣмъ болѣе, что врачъ въ пріемной уже объявилъ о нихъ это. Нѣтъ, лютый звѣрь Успенскій не послушалъ, написалъ — притворяются и безъ сомнѣнія могутъ быть приняты въ военную службу. Облилось мое сердце кровію! Такъ часто случается и въ дѣлѣ св. вѣры: „Отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ!“.

Несчастный сляченный по выходу изъ Тулы, на первомъ ночлегѣ скончался! И конечно, понесъ съ собою на судъ Божій грозное осужденіе.

Семинаристы, зная мое сокрушеніе о несчастныхъ, отданныхъ въ солдаты, (въ числѣ ихъ находился и мой любезный служитель Александръ Сипявинъ), просили меня нменемъ сихъ несчастныхъ отслужить для нихъ молебень на площади предъ выходомъ ихъ изъ Тулы. Я согласился. Пріѣхалъ на площадь (что въ дворянскихъ улицахъ). Площадь огромная. Тутъ тысячи священниковъ, дьяконовъ, дьячковъ, съ женами, дочерями проливаютъ горькія слезы о потерѣ чадъ, братьевъ, родныхъ. На это зрѣлище собрались огромныя толпы тульскихъ жителей, рѣдкій не плакалъ. Преосвященнаго кляли, какъ мучителя и губителя. (Несчастные! они не знали, что преосвященный дѣлалъ это по повелѣнію). Я походилъ между рядами сихъ новобранцевъ.

Приготовили столъ. Принесли иконы, крестъ, евангеліе, воду; я облачился. Солдаты наши поставлены были въ огромное карре. Мы посрединѣ. Я служилъ и плакалъ. Нѣкоторые съ горя были навеселѣ; но большая часть блѣдныхъ, поникшихъ, пораженныхъ ужасомъ своего несчастія.

Я ихъ благословилъ крестомъ, и они выступили въ то же время.

Договорю о преосвященномъ. Пусть указъ строгъ, но, судя по выставленнымъ мною его поступкамъ, видно, что у него сердце жестоко. Много можно было смягчить. И точно. Столь

страшные наборы, какъ въ Тулѣ, въ тотъ разъ сдѣлали худшіе архіереи, именно помню Евгенія Тамбовскаго*), (который за это тотчасъ сдѣланъ архіепископомъ и получилъ орденъ св. Анны, по которому Синодъ далъ почувствовать свое негодование, подъ предлогомъ повышеній еще большихъ сославъ его въ Грузію экзархомъ, гдѣ онъ находится и донинѣ). Этотъ пастырь добрый отправилъ въ военную до 500.

Богъ имъ судья! А однако надъ тульскимъ преосвященнымъ, по моему мнѣнію, тотчасъ открылся гнѣвъ Божій. Именно: любящая его сестра, бывшая въ Тулѣ за священникомъ, отъ перепоя удушилась! А ея мужъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, будучи взятъ въ архіерейскій домъ, тоже по случаю запоя, неблагоразумнымъ обхожденіемъ съ нимъ — уморенъ. (Ему не дали рюмки вина, и онъ тотчасъ умеръ). Вскорѣ затѣмъ умеръ и одинъ изъ сыновей сихъ покойниковъ, жившій у архіерея, вмѣстѣ съ другимъ своимъ братомъ. Они были еще дѣти.

Вотъ что случилось, и, кажется, все въ тотъ годъ. Не очевидно ли перстъ Божій?

Послѣ узналъ я, что, напримѣръ, митрополиты Петербургскій и Московскій отдали не больше, какъ по 70 человѣкъ. Вятскій покойный Кириллъ столько же, а Кіевскій митрополитъ Евгеній и еще кто-то отказали вовсе.

Вообще къ утѣшенію моихъ собратій, столь жестокихъ архіереевъ на тотъ разъ оказалось немного.

Хочу сказать мои мысли и о самомъ наборѣ съ духовныхъ.

Для чего это сдѣлано? Нужда государственная, или просто только, чтобъ нанести безчестіе русскому духовенству?

Не придумаю ничего, кромѣ послѣдняго. Хотѣли только поругаться надъ нами, бѣдными.

Въ самомъ дѣлѣ, тогда была война съ поляками, но она уже клонилась къ концу. А притомъ она не была столь гибельна, чтобъ для нея потревожить и бѣдныхъ служителей церкви.

Да и сколько насъ собрано? У насъ сорокъ епархій. Такихъ чудъ архіереевъ было мало, какъ Тульскій, Тамбовскій, Костромской (нынѣ Черниговскій) Павелъ. Слѣдственно, нельзя положить болѣе ста человѣкъ среднимъ числомъ съ епархіи, итого съ сорока епархій выйдетъ 4000. Что это значитъ для нашей русской

*) Мой рукоположитель во архіерея. Скончался въ Псковѣ.

арміи, которой считается около милліона? Кромѣ того, у насъ тогда брали и дѣтей, и юношей, и стариковъ. Дѣти шли въ кантонисты, старики въ инвалиды. Много ли осталось настоящихъ солдатъ, за исключеніемъ ихъ? Итакъ это было просто поруганіе, не имѣвшее другой цѣли. По крайней мѣрѣ я такъ и тогда думалъ и теперь думаю.

А однако это несчастіе потрясло цѣлое наше духовенство. Изъ приведенныхъ мною примѣровъ видно, что иногда искореняемы были до основанія цѣлые дома. А сколько оставлено неуѣдшимихъ беззащитныхъ вдовъ? Сколько плачущихъ родителей, поруганныхъ въ безчестіи чадъ ихъ, которые сіе несчастіе заслужили только тѣмъ, что не кончили ученія. Поругана была и самая природа. Я привелъ примѣры, какъ сданы въ солдаты: дуракъ, глухой и калѣка. Сколько же было и еще, можетъ быть, еще жалчайшихъ примѣровъ.

Много пошло въ это время въ солдаты священниковъ, дьяконовъ, монаховъ, и, конечно, много изъ нихъ вовсе невинныхъ. За что такъ ругаться надъ служителями алтаря? Замѣчательно, указъ изъ Синода о семъ написанъ былъ, иль въ концѣ мая, иль въ началѣ іюня, т. е. когда разѣхались члены Синода. А это, конечно, для того, чтобъ не встрѣтить въ Синодѣ возраженія.

Однакожъ я жалѣю, что Синодъ не сдѣлалъ представленія Государю. Вѣдь они наши отцы. Кто жъ насъ защититъ, если не они? Пусть бы и пострадали они, тогда были бы мученики. Скажу и то — въ семьѣ не безъ урода. Конечно, и между нами всегда есть недостойные люди, которые больше не годятся, какъ *подъ красную шапку*. Но развѣ наше начальство ихъ щадитъ? Они и всегда идутъ по этой дорогѣ, и тоже здѣсь чаще поступаютъ жесточе, нежели заслуживаетъ преступленіе. Итакъ для чего же этотъ общій позоръ? Кажется, только для того, чтобъ опозорить насъ несчастныхъ; чтобъ міряне могли намъ говорить: „Вы негодные бездѣльники. Васъ красятъ красною шапкой“.

Мы духовные, какъ бы дурны ни были, (вѣдь и мы не ангелы), все же еще далеко лучше всѣхъ другихъ сословій, (въ этомъ я увѣренъ), и что даже, если есть добродѣтель въ матушкѣ Россіи, это — скажу смѣло — есть наше сѣмя, мы его возвращаемъ, дѣлѣмъ. Безъ насъ все повернется вверхъ дномъ. Посмотрите на нынѣшнихъ дворянъ, которые отказались отъ вѣры и отъ насъ;

кто они? Даже вольтерьянедъ почитается порядочнымъ челонѣ-комъ. А что ихъ семейныя связи? Какое распутство! Какія вражды, безумія, безсовѣстность? Самые отвратительные пороки поставлены публично, какъ идолы, и имъ поклоняются!

Чтобъ увѣриться, что я ничего не увеличиваю, возьмите нынѣшнюю любую книгу. Что тамъ пишутъ, чему учать, о чемъ рассказываютъ?! Честному человѣку невозможно прочесть безъ омерзѣнія, а такія книги нынѣ модныя, во вкусѣ. Сочинителей ихъ превозносятъ, даже награждаютъ.

Боже мой! я грѣшникъ паче всѣхъ. Не знаю хуже себя между духовными. Но я же не могу безъ омерзѣнія читать нынѣшнихъ хваленыхъ книгъ, я не могу безъ содраганія слышать прямые рассказы о публичныхъ и домашнихъ сдѣлахъ господъ свѣтскихъ. Вижу порядочныхъ людей, но религіознаго здравомыслія, ей не припомню ни въ одномъ.

Знаю, Господи, что и мы достойны еще большаго Твоего гнѣва. Знаю, что описанное мною безчестіе духовенству наведено на насъ для нашего вразумленія: *Аще не покаемся, вси такожде погибнемъ*, иль еще жалче. Но потерпи, Господи, и спаси емлющихся за Твое милосердіе.

Я далеко ушелъ отъ своей исторіи. Довольно; начну опять рѣчь о себѣ.

Это кончаю въ Одессѣ 17 января 1843 года вечеромъ. Аминь.

Р. S. Сего 17-го января 1843 года скончался въ С.-Петербургѣ нашъ маститый митрополитъ Серафимъ, а на мѣсто его въ тотъ же день указомъ Синоду опредѣленъ, — кто такой? Антоній, архіепископъ Варшавскій...

1872 года 31 мая. Церерва. Прочиталъ сію книгу. И я не-даромъ жилъ на землѣ, и на мнѣ толико милостей Божіихъ. Рѣчь поспѣшная, неумѣренная. Пусть снизойдутъ читающіе. Тогда мнѣ было меньше сорока лѣтъ. Да и всякій своеобразень. Не хвастаюсь, но и не умоляю о снисхожденіи. Разсуждай по своему всякій.

Епископъ Никодимъ.
